

РУФЬ

Урок 3 - Продолжение главы 1.

Муж Ноемини Елимелех умер, а затем умерли 2 её сына Махлон и Хилеон, оставив Ноеминь в сложной ситуации, а её невесток вдовами. Древний мир Ближнего Востока был миром мужчин, и женщина без мужа или сыновей, которые заботились бы о ней и защищали её, была чрезвычайно уязвима. И всё же Ноеминь была обеспокоена судьбой двух своих овдовевших невесток Орфы и Руфи, хотя и была подавлена из-за своего собственного положения.

Ключом к правильному восприятию книги Руфь является понимание того, что книга на самом деле сосредоточена на поиске решения проблемы Ноеминь. Руфь и Орфа были молоды и имели перспективы, поэтому их положение было не таким бедственным и неразрешимым, как положение Ноемини. И самым лучшим вариантом для 2 девушек было остаться на их родной территории в Моаве, когда Ноеминь намеревалась вернуться в свой дом, Вифлеем Иудейский.

Мы прочитали всю 1-ю главу книги Руфь, но давайте перечитаем небольшой фрагмент и рассмотрим его пункт за пунктом.

ПЕРЕЧИТАЙТЕ РУФЬ 1:8-15.

Первые слова этого текста - призыв Ноемини к 2-м её невесткам (с которыми, очевидно, существовали узы любви и близкие отношения) оставить её на произвол судьбы и вернуться домой к своим матерям-моавитянкам, чтобы они могли быть утешены, и чтобы о них заботились в домах их детства до тех пор, пока не настал день, когда Господь даст им новых мужей. Часть этого увещевания включала благословение Ноемини, чтобы Бог Израиля проявил благосклонность к молодым вдовам. На самом деле в благословениях конкретно упоминается имя Иеговы. Теперь поймите, что призыв **Яхве** сам по себе интересен, потому что 3 женщины всё ещё находятся в земле Моав, в месте, которое, хотя и было чужим для Ноемини (еврейской женщины), было родным для Орфы и Руфи. Таково было общее мышление людей той эпохи и культуры: национальные боги или богини считались «закреплёнными» за определённой территорией. Другими словами, у бога обычно была только сфера влияния, которая простиралась не дальше территории или нации, где он или она были местными божествами.

Позвольте мне ещё немного развить эту мысль, потому что это поможет нам понять многие другие тексты Библии и то, какое огромное влияние мир и представления о богах оказывали на решения людей. Чемош был главным божеством над землёй Моав. Руфь и Орфа родились и выросли с пониманием того, что Чемош обладал божественной властью над тем, что происходило в

Моаве, поэтому любая клятва, данная на его территории, должна была ссылаться на его имя и власть, иначе она была неэффективной и даже недействительной.

Тем не менее, ситуация была не столь однозначной: во времена книги Руфь Моав не был суверенным государством. Моав был завоёван Израилем всего несколькими десятилетиями ранее, и теперь землю Моава населяли израильские колена Рувима и Гада. Однако, как и на всех территориях, завоёванных и оккупированных 12 коленами, область Трансиордании (израильская территория на восточной стороне реки Иордан), где находилась бывшая нация Моав, была похожа на рябой пейзаж Луны. Издалека он выглядит гладким, ровным и однородным, но вблизи он состоит из сотен отдельных кратеров, слегка отделённых друг от друга и иногда несколько перекрывающихся. Подобно поверхности Луны, территории израильских племён к востоку от Мёртвого моря состояли из поселений моавитян, живущих рядом с израильтянами, временами они пересекались и смешивались. Это означало, что существовала двусмысленность в отношении того, какой бог где правил, обычным решением было поклоняться им всем или хотя бы проявлять к ним уважение.

Поэтому мы не должны считать, что из-за того, что еврейка Ноеминь, которая призвала Бога Израиля в своём благословении, не верила в существование Чемоша, и мы не должны думать, что моавитянки Руфь и Орфа отказались от Чемоша и (как следствие брака с еврейскими мужчинами) поклонялись только Иегове. Поклонение или призывание имени разных богов в разное время в зависимости от разных ситуаций и того, где именно человек находился в то время, было обычным делом для древнего ума, и это, как правило, также относилось к евреям.

После того как Ноеминь благословила своих невесток, они обе всё ещё настаивали на том, чтобы последовать за ней обратно в Иудею, поэтому Ноеминь привела аргумент, чтобы отговорить их, и аргумент, по сути, был сосредоточен на невозможности левиратного брака в их ситуации. Давайте сначала заново познакомимся с концепцией левиратного брака.

Откройте свои Библии на книге Второзаконие.

ПРОЧИТАЙТЕ ВТОРОЗАКОНИЕ 25:5–10.

Итак, идея заключается в том, что оставшийся в живых биологический брат (или, возможно, очень близкий родственник) умершего мужчины должен жениться на вдове своего брата (если эта женщина не произвела на свет сыновей) и оплодотворить её, тогда первый сын, которого она произведёт на свет, считается потомком умершего мужчины. Таким образом, его семейная линия будет продолжена, и будет решён ряд других жизненно важных

вопросов, включая рождение вдовой сына, который будет заботиться о ней в старости, выполнение её женского долга по приведению новой жизни в мир (тогда это считалось высшим и обязательным долгом женщины, иначе она практически не была женщиной вообще), позволяя сущности и характеру умершего мужчины продолжать жить в его сыне (в противном случае эта сущность прекратила бы своё существование), и предусматривающий передачу земли умершего человека его сыну, который является членом его собственного клана и племени, таким образом выполняя требования закона Моисея.

Общая концепция левиратного брака не обязательно была изобретением евреев, однако то, как это практиковалось и причины, по которым это практиковалось израильтянами, действительно было уникальной особенностью еврейской культуры. На самом деле обычай левиратного брака был настолько распространён в ближневосточном обществе (а также широко практиковался среди ранних евреев), что мы видим пример его возникновения за столетия до того, как Бог провозгласил его законом и дал его Моисею на горе Синай.

Бытие 38:8: «И сказал Иуда Онану: войди к жене брата твоего, женись на ней, как деверь, и восстанови семя брату твоему».

И, несмотря на сходство между термином левират и названием священнического племени (Левий), эти два понятия не связаны. Левират - это языческий термин, взятый от латинского слова «левир», означающего «брат мужа», поэтому мы, конечно, не найдём его в Библии.

Понимая природу левиратного брака, мы можем лучше понять, что имела в виду Ноеминь, когда приводила доводы в пользу того, чтобы Руфь и Орфа вернулись домой к своим матерям. В стихе 11 Ноеминь задаёт риторический вопрос: **«Разве ещё есть у меня сыновья в моём чреве, которые были бы вам мужьями?»** Другими словами, является ли стремление этих 2 девушек остаться с Ноеминью следствием их уверенности в том, что следующим логическим шагом для них будет левиратный брак, поскольку они были бездетны? Конечно, вопрос абсурден, поскольку у Ноемини нет других сыновей (нет братьев умерших мужчин), и она уже давно вышла из детородного возраста, поэтому, чтобы подчеркнуть, насколько глупо было для этих 2 девушек думать об этом, она на самом деле не использует термин «чрево», как обычно переводят. Там используется слово **иммй**: **«Разве ещё есть у меня сыновья в моём иммй?»**

Продолжая показывать Орфе и Руфи тщетность следования традиции левиратного брака, Ноеминь продолжает выдвигать намеренно абсурдные аргументы, что, хотя она слишком стара, чтобы иметь мужа, предположим, что

чудом она бы его получила, и тогда ещё большим чудом (бросающим вызов чуду жены Авраама Сары) она забеременела бы в преклонном возрасте, захотят ли 2 девушки ждать, пока это произойдёт, а затем ещё дольше ждать рождения сыновей, пока они вырастут до брачного возраста, чтобы они могли жениться на двух вдовах и затем родить им детей.

В то время для вдовы не было ничего необычного в том, чтобы ждать, пока младший брат её покойного мужа (брат, который был ещё маленьким ребёнком) вырастет, женится на ней и сделает её беременной. Однако ситуация в данном конкретном случае была неразрешимой: Ноеминь тоже была вдовой. Тот, кто мог бы жениться на Ноемини и стать отцом её сыновей, не являлся бы отцом умерших сыновей Ноемини. Это значит, что гипотетические дети Ноемини были бы только на половину братьями их умерших мужей, и вопрос о том, квалифицировался ли бы в этом случае брак как правильный левиратный брак, является спорным. То есть, в данном случае, возможность использования левиратного брака для решения проблемы девушек исключена.

В итоге, в стихе 13 Ноеминь говорит: **«Нет, дочери мои, я весьма сокрушаюсь о вас, ибо рука Господня постигла меня»**. Её аргумент, наконец, попал в цель, и реальность прорвалась сквозь все эмоции, и поэтому все они снова начали плакать. Орфа знала, что она должна сделать, и поцеловала Ноеминь на прощание. Как я упоминал на прошлом уроке, в ту эпоху поцелуй был не столько символом привязанности, скорее, он буквально означал либо «здравствуйте», либо «до свидания». Таким образом, на иврите НЕ говорится, что «Орфа поцеловала свою свекровь на прощание», там просто сказано: «Орфа попрощалась со своей свекровью».

В этом тексте мы также получаем первый намёк на отношение Ноемини к своему положению: она ожесточена, и Бог намеренно вызвал её ожесточение. Через несколько стихов эта мысль будет подхвачена, и мы поговорим об этом немного подробнее, потому что это сложная идея для современных христиан.

Нам также представлен намёк другого рода, и он восходит к тому, что я рассказывал вам ранее: на самом деле эта история о Ноемини и её бедственном положении пожилой бездетной вдовы. В том же заявлении, где она ответила на свой собственный риторический вопрос (с решительным «НЕТ, дочери мои» о том, должны ли девочки ждать и надеяться, что Ноеминь найдёт мужа, а затем чудесным образом родит пару мальчиков, которые могли бы вырасти и жениться на невестках, она говорит, что чувствует, что ей горько от того, что рука Божья простёрлась против неё. Намёк заключается в следующем: для НЕЁ то, что у её невесток нет шанса на левиратный брак, является ещё большим недостатком и серьёзной проблемой, чем для них самих, потому что у этих девушек действительно есть выбор: они могут вернуться домой, чтобы

о них заботились их семьи, и искать новых мужей. Но для Ноемини единственная реальная надежда, которая у неё есть, - это левиратный брак для этих 2 девушек, потому что это дало бы её сыновьям (технически внукам) возможность заботиться о ней. Вполне возможно, что девушки могли бы выйти замуж за одного из братьев Елимелеха (дядей своих мужей), если предположить, что у Елимелеха были братья. И если бы они это сделали, и у них родились сыновья, то, согласно древнему ближневосточному образу мышления, эти сыновья стали бы внуками Ноемини и были бы обязаны заботиться о ней так же, как о своих собственных родителях. Для нас это может показаться запутанным и сложным, но это было понятно и нормально для общества той эпохи. Итак, дело в том, что Ноеминь была очень огорчена тем, что все эти обстоятельства были против того, чтобы у нее была хоть какая-то надежда на достойную жизнь вообще.

Орфа поворачивается и со слезами на глазах уходит домой, к матери, в свой родной город. Поступила ли Орфа неправильно или эгоистично, покинув Ноеминь и вернувшись обратно? Вовсе нет, было бы несправедливо и неправдиво сказать, что она была нелояльна, или безразлична, или совершила какой-то грех. Она не только сделала то, на чём искренне настаивала Ноеминь, но и сделала то, что было совершенно разумно в её ситуации. Орфа сделала неплохой выбор, но с точки зрения истории она могла бы сделать и лучше, она могла бы последовать за Ноеминью и поверить в Бога, о котором знала очень мало, и привязаться к людям, о которых знала ещё меньше. Вместо этого она отправилась домой к своему народу (моавитянам). Её народ поклонялся Чемошу, так что, по сути, она неосознанно отдала свою судьбу в руки ложного бога.

Я не хочу заходить слишком далеко в проведении сравнения, но решение Орфы даёт нам хорошую картину того, как люди могут подойти вплотную к принятию поручения Бога Израиля и Его Сына **Йешуа** и не сделать последнего шага, потому что есть другой путь следования, и это естественно, если не проще. Это не обязательно путь зла, он просто не ведёт к истинному Богу и Его плану для нас. В Новом Завете, в книге Матфея, есть интересная параллель этому повествованию о Ноемини, Орфе и Руфи.

Евангелие от Матфея 8:19-22: **«К нему подошёл учитель Торы и сказал: Равви, я последую за тобой, куда бы ты ни пошёл». Йешуа сказал ему: «Лисы имеют норы, и у птиц есть гнёзда, а у Сына Человеческого нет своего дома». Один из талмидим сказал ему: «Господин, позволь мне сначала пойти похоронить моего отца». Но Йешуа ответил: «Следуй за мной, и пусть мёртвые хоронят своих мертвецов».**

Мы не знаем наверняка, какой выбор сделали эти два человека, когда **Йешуа** сказал им, что они должны делать, и насколько неопределённой будет их

жизнь, если они последуют за Ним. Но суть в том, что этот маленький эпизод хорошо отражает историю Ноемини. Мужчины (подобно Руфи и Орфе) настаивают на том, чтобы следовать за этим чрезвычайно благочестивым человеком **Йешуа** (который ЕСТЬ Бог), но Он предостерегает их и говорит, что у него действительно нет перспектив утешения и впереди много всего, что придётся разделить с Ним. Один делает заявление, что он последует за **Йешуа** прямо сейчас, другой из них говорит, что хотел бы следовать за Иисусом, но ему нужно ненадолго вернуться домой. При отсутствии другой информации, вероятно, разумно подозревать, что первый действительно пошёл с Иисусом (как Руфь с Ноеминью), а 2-й вернулся домой, чтобы похоронить своего отца (выбрал путь Орфы). Они не совершили бы дурного поступка, если бы не последовали за Мессией как часть Его команды, они не совершили бы ничего плохого. Но лучше было бросить всё и пойти с Ним. И, кстати, хотя мы склонны одухотворять это событие и делать вид, что выбор «следовать» за **Йешуа** был, по сути, выбором между спасением и отсутствием спасения, это не то, о чём здесь говорится. Речь идёт о том, оставят ли они свою нынешнюю жизнь позади и будут ли путешествовать с Ним и служить Ему как преданные ученики. Нет никаких оснований полагать, что они НЕ доверяли **Йешуа** как Мессии, речь шла об их уровне приверженности и воплощении этой приверженности в действие. Видите ли вы это? И, откровенно говоря, каждый, кто слушает это, должен спросить себя, верит ли он в **Йешуа** пассивно, как в Мессию, или в ответ на это доверие он готов посвятить себя совершенно новому пути, который, возможно, приведёт не туда, куда он собирался идти, или даже улучшит его земной удел.

Орфа была похожа на человека, который чувствовал, что ему нужно вернуться домой, чтобы похоронить своего отца. Руфь была похожа на другого мужчину, который безоговорочно сказал: «Я последую за тобой, куда бы ты ни пошёл». Итак, это подводит нас прямо к одному из самых красноречивых, духовно значимых, но в то же время элегантно простых утверждений, которые мы, вероятно, найдём в Библии. После того, как Орфа прощается с Ноеминью, Ноеминь в последний раз пытается заставить Руфь последовать её примеру и говорит: **«...вот, невестка твоя возвратилась к народу своему и к своим богам; возвратись и ты вслед за невесткою твоею»**. Руфь ничего этого не желает и закрывает эту тему раз и навсегда. Давайте прочитаем Руфь 1:15-18.

ПЕРЕЧИТАЙТЕ РУФЬ 1:15-18.

Руфь даёт 6 обещаний Ноемини, а затем скрепляет их клятвой. Первое: куда пойдет Ноеминь, туда пойдёт и Руфь. Второе: где бы она ни жила, Руфь останется с ней. Третье: народ Ноемини станет народом Руфи. Четвёртое: Бог Ноемини станет Богом Руфи. Пятое: там, где умрёт Ноеминь, там умрёт и

Руфь, и, наконец, там, где Ноеминь решит быть похороненной, там хочет быть похороненной и Руфь, рядом с ней.

Руфь, по сути, заключила завет с Ноеминью, а затем связала его клятвой: «Пусть Иегова навлечёт на меня ужасные проклятия и ещё худшие, если что-либо, кроме смерти, разлучит вас и меня». Я знаю, что в некоторых переводах говорится: «Пусть Адонай навлечёт ужасные проклятия», в других переводах говорится: «Пусть Господь навлечёт ужасные проклятия», но в оригинале на иврите используется официальное имя Бога - **ЯХВЕ**. Это важно, поскольку Руфь поклялась Богом евреев, а не Богом моавитян. Это показывает, в кого Руфь действительно верила, и кому была отдана её верность, а кого она отвергла. Фраза «Пусть Иегова навлечёт на меня ужасные проклятия и многое другое...» является довольно стандартной формулой, призывающей наказание Божье, если обещания будут нарушены, и мы обнаружим, что она используется 7 раз в книгах Царств.

В то время как на первый взгляд (и, без сомнения, это имела в виду Руфь, и Ноеминь понимала это) Руфь посвящала свою социальную жизнь народу Израиля, и свою религиозную жизнь Богу Израиля, на самом деле происходит нечто более глубокое. Используя современные термины, можно сказать, что Руфь обратилась, она оставила язычество, чтобы стать израильтянкой. И всё же по мере того, как мы продвигаемся по этому короткому рассказу, становится ясно, что во всём этом есть определённая тайна. Важным элементом повествования является то, как язычник стал израильтянином, и что именно это повлекло за собой. Что меня восхищает, так это то, что здесь мы имеем чудесную картину того, как человек отказывается от всего, чтобы стать частью Израиля. Это символ каждого язычника, который когда-либо приходил к вере через Бога Израиля. По крайней мере, один из ключей к пониманию этой тайны заключается в том, что Орфа вернулась к «своему народу и своему богу», в то время как Руфь пошла вперёд к народу Ноемини и богу Ноемини. Народ и его бог связаны, нравится нам это или нет, признаём мы это или нет.

Руфь показала нам путь, но, к сожалению, большая часть церкви предпочла придерживаться своего моавитского прошлого или вернуться к нему. Язычники хотят спасения и близости Бога Израиля, но мы не хотим Израиля. Из шести обещаний, данных Руфью Ноемини, современная церковь согласна только с одним: твой Бог будет моим Богом. Но церковь также говорит Израилю и еврейскому народу: хотя я хочу вашего Бога, я НЕ пойду туда, куда идёте вы, я НЕ останусь там, где остаётесь вы, вы НЕ будете моим народом, Я НЕ умру там, где умрёте вы, и я НЕ буду похоронен там, где похоронены вы. Как могла бы сложиться эта история о Руфи, если бы она приняла эту теологию? Потому что на самом деле мы (мои братья) сталкиваемся с двумя совершенно противоположными и непримиримыми теологиями, когда

сравниваем ту, что приведена здесь, в первой главе книги Руфь, с наиболее распространёнными современными церковными доктринами. Одна говорит, что язычники могут иметь Бога Израиля для себя вне заветов Израиля и вне народа Божьего и на наших собственных языческих условиях. Другая говорит, что люди и их Бог неразделимы, не может быть одного без другого. Теология, основанная на действиях Руфи говорит, что подчиниться Богу Израиля означает также прилепиться к народу Израиля. Это означает, что наши судьбы связаны как историческим прошлым, так и пророческим будущим.

Когда Руфь вернулась с Ноеминью в Израиль, она охотно оставила свои языческие обычаи позади и с широко открытыми глазами пошла вперёд, в новую реальность, о которой она мало что знала. Церковь принесла с собой свои языческие обычаи, она не заинтересована в знании или изучении путей Божьего народа и даже заняла такую позицию, что, как язычники, мы больше Божий народ, чем израильтяне Моисея! Можете ли вы представить, как Руфь следует за Ноеминью в Вифлеем, настаивая на том, что она хочет Бога Израиля, а затем действует по убеждениям, согласно которым её моавитские обычаи превосходят обычаи Божьего обособленного народа, и что она заменила их в глазах Бога? Это, друзья мои, преобладающая позиция современной церкви по отношению к Израилю и еврейскому народу, и это не что иное, как катастрофа. И на долю таких верующих, как вы и я, выпадает сделать всё возможное, чтобы исправить ошибки, вернуть всему Слову Божьему его законное место в христианстве и донести Благую Весть о еврейском Мессии до его еврейских братьев. На нас лежит обязанность утешить Его народ, присоединиться к ним духом и попросить у них прощения за наше обращение с ними.

Позвольте мне завершить эту мысль одним заключительным утверждением: я пару раз говорил с вами о совершенно разных, хотя и тесно связанных вопросах веры и верности. Из 6 обещаний, данных Руфью Ноемини, только одно касалось веры, в то время как остальные 5 касались верности. Заявление Руфи о том, что «твой Бог будет моим Богом», является декларацией веры, но остальные 5 обещаний являются выражением этой веры. И выражение этой веры в делах и поступках называется верностью. У нас есть миллионы христиан сегодня и на протяжении веков, которые имели веру, но гораздо меньше тех, кто жил в верности.

Стих 18 показывает, что пожилая вдова Ноеминь просто не могла отклонить такой ошеломляющий завет, который Руфь в одностороннем порядке заключила с ней, и насколько необычным это, должно быть, было для тех времён и в той культуре. В патриархальном обществе женщина выбирает другую женщину. В ту эпоху, когда все надежды женщины на пропитание, семью, процветание, защиту, комфорт и самореализацию возлагались на

мужчин, здесь мы видим вдохновлённую Богом женщину, которая предпочла отказаться от этой надежды в пользу помощи пожилой женщине, у которой не было надежды.

Вместе они отправились обратно в дом Ноемини в **Бейт-Лехем** Иудейский. Это было очень трудное путешествие протяжённостью около 120 км, и нужно задаться вопросом, смогла ли бы Ноеминь перенести его без Руфи. Плато Моава, откуда они ушли, находилось на высоте около 1 км, а холмы, ведущие к Вифлеему, - на высоте более 700 м. После спуска по труднопроходимым тропам, пересечения реки Иордан, вероятно, в самом лучшем и известном месте для перехода вброд в Иерихоне, следующий этап их похода был сложнее. Любой, кто бывал в Израиле, помнит автобусы и грузовики, медленно ползущие вверх по длинной и извилистой дороге, которая ведёт из Иерихона (который находится более чем на 250 метров ниже уровня моря) к холмам Иерусалима и Вифлеема. На пути мало источников, нет еды, и в основном условия пустыни. Каким-то образом, по милости Божьей, они добрались туда.

Когда эти двое прибыли в Бейт-Лехем, это вызвало довольно большой переполох.

ПЕРЕЧИТАЙТЕ 1 главу книги РУФЬ с 19 стиха до конца главы.

То, что «весь город» был взбудоражен прибытием Ноемини, - это фигура речи, и это просто означает, что отреагировала большая часть жителей, а не все 100% населения. Но более того, глагол, используемый для обозначения реакции всего города (**хамула́** на иврите), что означает возбуждённый шум, спрягается во множественном числе женского рода, другими словами, именно **ЖЕНЩИНЫ** города заметили Ноеминь и подошли к ней, а не мужчины (помните, это история, ориентированная на женщин). И женщины подошли к ней, говоря: «Ты ли это, Ноеминь?». Это риторический вопрос: они прекрасно знали, что это Ноеминь, и это было просто выражение удивления. Дело не в том, что они на самом деле спросили Ноеминь об этом (они не просили, чтобы она подтвердила свою личность), скорее это был тон их разговора друг с другом, когда они увидели, как она приближается, и едва могли поверить своим глазам.

Но в ответ на довольно радостное удивление женщин Бейт-Лехема по отношению к ней (людей, которые, вероятно, никогда не ожидали увидеть её снова), Ноеминь говорит им больше не называть её Ноеминью, а называть Марой. Вспомните, что имя Ноеминь означает «приятная», она говорит им, чтобы они больше не называли её характер или выражение лица «приятным», потому что теперь она Мара, горькая. Что ещё более удивительно, так это то, какова заявленная **ПРИЧИНА** её горечи - Бог.

Вот тут-то всё и может стать немного неудобовразумительным для христиан, потому что Ноеминь ясно даёт понять, что, по её мнению, Бог Израиля с полным божественным намерением вызвал её трудноразрешимое состояние бедности и безнадёжности. Очень интересно, что в данном случае Ноеминь называет Бога «**Шаддай**» - эпитет для Бога, который мы давно не встречали. В настоящее время стало известно, что **Шаддай** означает «гора», и поэтому самое раннее имя, титул или эпитет, используемые для обозначения Бога в Библии как **Эль-Шаддай**, буквально означает «Бог горы» или, более буквально, главный или высочайший «Бог горы». **Шаддай**, несомненно, был просто сокращением от **Эль-Шаддай**, которое использовалось при определённых обстоятельствах некоторыми в эпоху Руфи (или, возможно, в эпоху автора книги Руфи).

Дело в том, что, как это часто бывает в любом языке, сумма слов не обязательно означает то, что они буквально говорят, когда используются в качестве идиомы. Например, «кот в мешке» не имеет никакого отношения ни к кошкам, ни к мешкам. «Холодный тон» не говорит о температуре. «Что упало, то пропало» не означает, что упавший предмет тут же исчезает. **Шаддай** буквально означает гора, но поскольку главное божество всегда занимало самое высокое место на самой высокой горе, сказать, что **Шаддай** стал причиной неприятностей Ноемини, было всё равно, что сказать, что причиной этого был «непреодолимый Бог», «самый могущественный из всех Богов», и поэтому шанса на апелляцию не было.

Ноеминь говорит, что **Шаддай** сделал её жизнь горькой, она ушла (покинула Бейт-Лехем) с достатком, но Иегова вернул её с пустыми руками. То есть она переходит от очень драматичного «**Шаддай**» к использованию официального имени Бога. И ещё она говорит, что Иегова свидетельствовал против неё, а затем снова переключается и говорит, что **Шаддай** причинил ей боль. Это просто способ донести до сознания тот факт, что она была бессильна перед Богом Вселенной и что проклятие пустоты, которое она несёт, невозможно остановить, с того момента как Иегова решил наложить его на неё.

Но здесь мы имеем дело ещё с некоторыми теологическими аспектами. Мы, современные христиане, склонны быть шизофрениками по поводу того, как, по нашему мнению, Господь распоряжается нашей жизнью. С одной стороны, мы говорим, что Бог контролирует каждый аспект нашего существования, но, когда случается что-то плохое, мы обвиняем дьявола. Мы говорим, что с пришествием Христа Господь даёт Своему народу только милосердие и любящую доброту, поэтому плохие вещи в нашей жизни являются либо естественными последствиями, либо демоническими или человеческими по происхождению. Это не теология Ветхого Завета, и я бы с уверенностью сказал, что не такова и теология **Йешуа**. Скорее, это учение людей, которые

хотят признавать только самые приятные атрибуты Бога. У Ноемини и персонажей Библии не было таких заблуждений.

Как часто я слышал утверждение из уст пасторов, что «Господь даёт и Он же забирает», но они, по-видимому, не имеют этого в виду и не верят в это, потому что, если что-то плохое случается в результате чьего-то греха, стандартное утверждение заключается в том, что Бог не наказывает тех, кто принадлежит Ему. То, что Господь даёт и отнимает, - это действительно всё, как утверждает Ноеминь. Господь дал ей (послал её с достатком), а затем Господь забрал это обратно (вернул её с пустыми руками). Но она говорит это без лицемерия и понимает, что если Бог действительно управляет всем этим, независимо от того, есть ли у неё много или у неё ничего нет, то всё это от Его руки.

Видите ли, Ветхий Завет, в частности, раскрывает то, что я бы назвал «теологией жалобы». Для человека, находящегося в Божьих заветах, не существовало такого понятия, как удача или стечение обстоятельств, всё находилось в Божьей компетенции и провидении. Много раз с библейским персонажем случались ужасные вещи, и поэтому они полностью возлагали это на Иегову, часто они жаловались на это друг другу или непосредственно Богу. И в целом Господь, похоже, не считает такую прямую жалобу неправильной. Тем не менее, одно дело жаловаться на свою ситуацию и глубокую боль, в которой вы находитесь, и на то, что вы этого не понимаете, и особенно на то, что вам это ни капельки не нравится. Но совсем другое - предстать перед Богом и сказать Ему, что Он неправ, или что Он допустил ошибку, или не имеет права делать то, что Он сделал. Ноеминь, конечно, выражала прежнюю точку зрения и поэтому не делала ничего плохого, и у неё не было плохого отношения, и она не была непослушной или неверной Иегове. Она всего лишь признавала, что источником её бед было Божье решение, и она страдала от Его руки по любым Его причинам. Она никоим образом не оспаривала Божьи мотивы или власть, чтобы сделать это.

Честно говоря, я нахожу эти уроки отрезвляющими и обличающими теологически мёртвые доктрины. Точно так же, как мы не можем принять Бога, не приняв Его народ, мы также не можем принять добрую часть Бога, не признав суровую.

Глава завершается тем, что Руфь действительно была с Ноеминью, когда она прибыла в Вифлеем, и что они прибыли во время сбора урожая ячменя, который по нашим календарям должен был быть около апреля, тут мы связываем концы с концами. Это относится примерно ко времени библейского праздника **Шавуот**, христианской Пятидесятницы. И это лежит в основе того, почему книга Руфь читается сегодня в синагогах по традиции во всём мире по случаю праздника **Шавуот**.

Мы начнём изучать 2 главу на следующем уроке.